

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
227

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2012

С. Н. Лисицын

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА И РАННЕГО МЕЗОЛИТА В ВЕРХНЕВОЛЖЬЕ¹

S. N. Lisitsyn. Discussion issues of periodisation of the terminal Paleolithic and Early Mesolithic in the Upper Volga basin

Abstract. The article revises some archaeological data on the transitional period from the Paleolithic to the Mesolithic in the Upper Volga basin. The critical review of five scenarios published by some researchers in regard to cultural interactions during the transition from the final stage of the Pleistocene to the Early Holocene is suggested. All based on the typological issues the scenarios are compared with the earlier environmental periodisations. The author concludes that cultural transformations at the turn of the Pleistocene/Holocene in the Upper Volga basin might be explained only in the context of new multi-layer sites, stratigraphic columns and new substantive data.

Ключевые слова: финальный палеолит, мезолит, периодизация, Верхняя Волга.

История вопроса. Верхневолжье имеет ключевое значение для разработки периодизации каменного века уже на протяжении более чем 130 лет (*Формозов, 1983; Платонова и др., 2009*). История археологического изучения региона рассмотрена в ряде публикаций (*Крижевская, 1950; Зотько, 1994; Гурина, 1989; Кольцов, 1989; Аверин, 2002; Костылева и др., 2005; Жилин, 2006; Сорокин, 2006а; 2008; Трусов, 2011; и др.*). Впервые идея культурной обособленности памятников рубежа палеолита и мезолита для этой территории была сформулирована М. В. Воеводским, выделившим свидерскую стадию эпипалеолита (*Воеводский, 1934; 1940*). Им же позднее было осознано и региональное своеобразие мезолитических памятников (*Воеводский, 1950*). Концепция мезолитической волго-окской археологической культуры (АК), которую вслед за М. В. Воеводским развивал А. А. Формозов (1954; 1959), не выдержала проверки временем – материалы по мере их изучения демонстрировали все большее культурное многообразие местного мезолита (*Крайнов, 1964; Кольцов, 1965; Аверин, 2002*).

В послевоенное время началось целенаправленное изучение каменного века на Валдайской возвышенности и в Волго-Окском междуречье. Итогом исследований Верхневолжской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Н. Н. Гуриной стало открытие множества памятников каменного века Валдая, в том числе с находками мезолита (*Гурина, 1977; 1989; 1997*). С образованием Верхневолжской археологической экспедиции ИА АН СССР в 1959 г. сначала Д. А. Крайнов, а с 1962 г. также и Л. В. Кольцов проводили масштабные рабо-

¹ Проект выполнен при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

ты в Верхнем Поволжье. Были найдены стоянки, составившие основной фонд источников по мезолиту региона (*Крайнов*, 1964; 1972; *Кольцов*, 1963; 1967; *Бадер*, *Кольцов*, 1974). В 1970–1990-е гг. работами исследователей московской школы (Л. В. Кольцов, М. Г. Жилин, А. Н. Сорокин, А. В. Трусов, А. С. Фролов, В. В. Сидоров и др.) была открыта серия новых финальнопалеолитических и раннемезолитических памятников (*Жилин*, *Кравцов*, 1991; *Синицына*, 1996; *Ланцев*, *Мирецкий*, 1996; *Мирецкий*, 2007; *Сидоров*, 1996; *Кольцов*, 1994). Исследования 1950–1980-х гг. в Верхневолжье в целом характеризовались: качественным и количественным расширением источниковой базы; открытием, наряду с мезолитическими, памятников финального палеолита; разработкой типологической периодизации каменного инвентаря; применением естественнонаучных данных в разработке хронологии.

Л. В. Кольцов во второй половине 1970-х гг. обосновал выделение бутовской и иеневской АК (*Кольцов*, 1976; *Крайнов*, *Кольцов*, 1979), а также опубликовал первое обобщение материалов рубежа плейстоцена и голоцена для лесной зоны Восточной Европы (*Кольцов*, 1977). В 1980–1990-е гг. периодизация была дополнена открытием новых археологических культур переходного типа: А. Н. Сорокин обосновал выделение рессетинской АК (верхний/финальный палеолит), а Г. В. Синицына – подольской АК (финальный палеолит/мезолит) (*Сорокин*, 1987; *Синицына*, 2000).

Терминология. Понятие «финальный палеолит» получило всеобщее признание относительно недавно, что отразилось в появлении специальных работ (*Кольцов*, 1977; *Зализняк*, 1989; 1999; 2005; *Копытин*, 1992; *Бибииков и др.*, 1994; *Ксензов*, 1988; 2006; *Жилин*, 2007; *Кольцов*, *Жилин*, 2008; *Сорокин и др.*, 2009). Потребность выделения заключительного отрезка палеолита в периодизации объясняется тем, что разрыв в культурной последовательности отмечается исследователями не между мезолитом и палеолитом в целом (т. е. не строго совпадает с климатической перестройкой плейстоцен/голоцен), а приходится на финал ледникового периода. Последний составляет дриасовую эпоху ~ 13–10 тыс. л. н. (все ¹⁴C даты в статье некалиброванные), для которой было характерно чередование фаз смягчения и похолодания климата. Мезолит, начинающийся с раннего голоцена (пребореал и бореал ~ 10,3–8 тыс. л. н.), демонстрирует отдельные черты культурной преемственности с этим заключительным отрезком плейстоцена. Нижняя граница финального палеолита определяется исчезновением верхнепалеолитических памятников ~ 14/13 тыс. л. н. (*Грехова*, 1994; *Синицын и др.*, 1997; *Лисицын*, 1999). Верхним хронологическим репером служит появление в Верхневолжье памятников раннемезолитических культур: бутовской и иеневской АК с наиболее ранними датировками ~ 10,0–9,6 тыс. л. н. (*Кольцов*, *Жилин*, 1999; *Жилин*, 1999; *Кравцов*, 1999). Финальнопалеолитические памятники, не обеспеченные абсолютными датировками, попадают в 3-тысячелетнюю временную лагуну дриасовой эпохи.

Мезолит понимается большинством археологов как период развития технического наследия палеолита (*Воеводский*, 1950; *Брюсов*, 1962; *Рогачев*, 1966; *Формозов*, 1970; *Матюшин*, 1976; *Гурина*, 1977; *Медведев и др.*, 2000; *Ксензов*, 2006; *Кольцов*, 2007). В хронологическом аспекте это первая половина голоцена – ~ 10,3–7,2 тыс. л. н., период, предваряющий распространение производства

керамики. Мезолит в периодизации используется повсеместно, хотя термин и может быть расценен как терминологически избыточный по номенклатурным соображениям (Аникович, 1992).

В арсенале археологов для решения задач исторической реконструкции используется ряд понятий: «археологическая культура», «культурная традиция», «технокомплекс» и др. Дробное определение терминов, а также их системное соотношение, за редким исключением (Аникович, 2005), в литературе отсутствует, а сами они фактически выступают равнозначными или альтернативными понятиями (Бочкарев, 1975; Григорьев, 2006; Сорокин, 2006б; Сидоров, 2002). Смысловое наполнение, хронологическая оценка, состав памятников, а также соотношение дефиниций отличаются от публикации к публикации и напрямую зависят от позиций авторов, зачастую диаметрально противоположных. В региональной периодизации обычно упоминаются несколько общеупотребительных и ряд малораспространенных или уже практически вышедших из употребления историко-культурных дефиниций (подробный критический обзор см.: Сорокин, 2006а; 2008; Сорокин и др., 2009).

Периодизация. В 2000-е гг. для Верхневолжья были разработаны несколько альтернативных сценариев интерпретации перехода от палеолита к мезолиту. Основные концепции можно условно назвать по признакам, которые постулируются исследователями в качестве определяющих трендов культуруогенеза.

1. «Контактная» модель – концепция сложения, взаимовлияния, сегментации и дивергенции археологических культур посредством распространения технологий и типов орудий среди групп мобильного населения в процессе близких и опосредованных контактов. Такой сценарий был разработан Л. В. Кольцовым и развит совместно с М. Г. Жилиным на основе изучения большого массива мезолитических памятников (Кольцов, 1977; 1979; 1989; 1996; 1998; 2000; 2002; 2004; 2009; Жилин, 2000; 2004а; 2004б; Кольцов, Жилин, 1999; 2008). Динамика культурного развития на рубеже плейстоцена/голоцена в Верхнем Поволжье, изложенная Л. В. Кольцовым (1989), подразумевала, что бутовская АК, генетически восходившая к свидеру, охватывала весь мезолит региона. Она развивалась непрерывно, пройдя 3 (в более поздней редакции – 4) этапа, характеризовавшихся изживанием свидерского наследия и нарастанием новых черт: распространением конических нуклеусов с одновременным увеличением роли микропластин, а затем, наоборот, снижением количества последних и постепенной деградацией вкладышевой техники. Согласно Л. В. Кольцову, монополия бутовской культуры на территорию бассейна Волги была нарушена появлением групп населения иеневской и рессетинской АК, которые были бутовцами вытеснены или ассимилированы (Там же). Впоследствии, в связи с появлением новых ^{14}C дат и палинологических определений, Л. В. Кольцов модернизировал схему, предложив более раннее (конец позднего дриаса, Dr3) появление в регионе иеневских памятников, корни которых предполагалось искать в аренсбургских и лингбийских традициях (Кольцов, 1994; 2006). Генезис бутовской культуры, согласно первоначальному мнению Л. В. Кольцова и М. Г. Жилина, восходил к прибалтийскому свидеру типа латвийской стоянки Саласпилс Лаукскола с участием потомков верхнепалеолитического населения типа Заозерье 1 (Кольцов, Жилин, 1999. С. 74, 75). В позднейшем варианте периодизации непосредственным

прототипом бутовской АК стал считаться нижний комплекс стоянки Золоторучье 1 – «золоторучьинская традиция», по М. Г. Жилину, отнесенная к началу Dr3 (Жилин, 2004а; 2004б; 2007; Кольцов, Жилин, 2008). Таким образом, согласно данному сценарию, наиболее раннее проявление мезолитической отжимной/вкладышевой традиции в регионе («золоторучьинской» – протобутовской) относится к первой половине Dr3, а ее продолжение в виде бутовской культуры (ранний комплекс Станового 4) – к финалу Dr3. Определение рамок финального палеолита (бромме-лингби) в Верхневолжье также рассматривается от начала и до самого конца Dr3 с продолжением в раннем мезолите в виде иеневской АК (Жилин, Кольцов, 2008. С. 104, 105).

2. «Эволюционная» модель – концепция, где на основе ретроспективного изучения преемственности родственных групп древнего населения разрабатывается периодизация отдельных направлений культурного развития. Эволюция форм орудий ставится в зависимость от развития адаптационных стратегий в контексте развития тех или иных крупных общностей, а также – от успешности приспособления отдельных групп населения к природному окружению во времени и пространстве. Такой сценарий разрабатывается А. Н. Сорокиным (1989; 1990; 2003; 2006а; 2006б; 2006в; 2008; *Сорокин и др.*, 2009). Исследователь разработал концепцию последовательного происхождения бутовской АК (задне-пилевской, по А. Н. Сорокину) из кундской АК, а последней – из рессетинской АК, что повлекло за собой удревнение до позднеледниковья комплексов, атрибутированных типологически как раннерессетинские (Таруса 1, Суконцево 8, 9). Генезис культуры А. Н. Сорокин предлагает связывать с восточнограветтийскими комплексами типа Гагарино и Хотылево 2. Также он рассматривает в контексте последовательности развитие каменных индустрий с черешковыми наконечниками: культурно-хронологическое тождество красносельской (по Л. Л. Зализняку) и подольской (по Г. В. Сеницыной) культур с южнобалтийскими памятниками бромме-лингби, а гренской, песочноровской, и иеневской культур – с комплексами типа аренсбург, фосна и комса в Северной Европе. А. Н. Сорокин считает такую последовательность развитием единой популяции бродячих охотников на северного оленя, окончательно распавшейся лишь к началу голоцена. Промысловый охотничий ареал в широтном направлении растянулся от Балтики до Верхневолжья, чем и объясняется распространение культур с черешковыми наконечниками. Таким образом, по А. Н. Сорокину, комплексы мезолитического облика появляются в центре Русской равнины уже в конце плейстоцена в виде микропластинчатой и микролитовидной рессетинской АК, восходящей к местному верхнему палеолиту. Не позднее Dr3 они дополнились мигрантами – памятниками черешкового комплекса. Ранний голоцен в данном сценарии представлен только кундской и бутовской (задне-пилевской) культурами (*Сорокин*, 2006а. С. 79–85; *Сорокин и др.*, 2009. С. 161–176).

3. «Инвазионная» (или «миграционная») модель разрабатывается Г. В. Сеницыной на памятниках территории Валдая, долгое время занятой ледником, поэтому появление здесь населения было напрямую связано с миграциями из внеледниковой зоны (*Сеницына*, 1996; 2000; 2003; 2006; 2008; 2009; *Васильев и др.*, 2005; *Лисицын*, 2003; 2006). Первичный этап освоения Валдая, по Г. В. Сеницыной, представлен нижним культурным слоем Барановой Горы

на оз. Волго (ассоциированным палинологически с концом беллинга), который содержал микропластинчатую индустрию с признаками расщепления мягким отбойником, отжимную технику и вкладыши из микропластин (*Синицына и др.*, 2005; 2009). Аналогии данному комплексу Г. В. Синицына видит в восточноевропейских «мадленских» индустриях. Более поздний комплекс на том же памятнике, датированный палинологически средним дриасом, залегал вне единой с предшествующим культурным слоем стратиграфической колонки. Он представлен эклектичным по составу материалом: пластинчато-отщеповая ударная техника раскалывания, аморфные бифасы и долотовидные изделия, а также острие на первичном пластинчатом отщепе, которое считается древнейшим из известных черешковых наконечников. Весь комплекс сопоставим, по мнению Г. В. Синицыной, с «акуловской традицией», выделенной В. В. Сидоровым (*Синицына*, 2009; *Синицына и др.*, 2009). Следующая культурно-хронологическая единица на Валдае представлена нижним комплексом бромме (подольской АК) из раскопа 1 на соседней стоянке Подол III, залегавший поверх почвы, атрибутированной по пыльце как аллередская (*Синицына и др.*, 1997). В почве и частично в перекрывающих отложениях палеомагнитным методом был зафиксирован экскурс Гетенбург ~ 13–12 тыс. л. н. (*Гуськова и др.*, 2006; *Синицына и др.*, 2009). Комплекс бромме считается свидетельством миграции с побережья южной Балтики (*Синицына*, 1996). Завершают культурную локальную последовательность финального палеолита находки из 2 раскопа стоянки Подол III с палинологическим определением финалом Dg3, полученным по заполнению ямы с кремневым инвентарем смешанного облика – типа бромме и свидерским наконечником (*Синицына и др.*, 1997). Таким образом, наиболее ранней индустрией на Валдае, по Г. В. Синицыной, является нижний комплекс Барановой Горы с выраженным мезолитическим обликом. В финальном палеолите здесь представлены пластинчато-отщеповые индустрии с черешковыми наконечниками, но без вкладышевой техники. Раннеголоценовые материалы Валдая могут быть охарактеризованы смешанными материалами мезолита и неолита стоянки Ланино 1, которые расчленяются по комплексам лишь на основании группировки каменного сырья (*Синицына*, 1997).

4. «Секвенциальная» (или «автохтонная») модель. Дифференцированный подход в периодизации предложен Х. А. Амирхановым, который высказал идею технологического генезиса волго-окского мезолита из разных вариантов местного верхнего палеолита. В основу культурологических построений был положен стандарт пластинчатых заготовок (*Амирханов*, 2002; 2004). Так, Х. А. Амирханов намечает «крупнопластинчатую» линию технологического развития от восточного граветта типа Зарайска, Трегубово и Колтово 7 до Урмышенки 3, Ладыжино 3, Беливо 6В и других иеневских памятников, охватывающая период, предшествующий максимуму валдайского оледенения, до раннего голоцена включительно. Параллельный «узкопластинчатый» вариант им также предлагается в виде последовательности от Карачарово, через Шатрищи, Заозерье 1 – до ранних памятников бутовской АК. Таким образом, данная модель допускает параллельное («билинейное», по Х. А. Амирханову) развитие разнотрадиционных традиций на протяжении многих тысячелетий и, следовательно, постепенную адаптацию населения к меняющимся условиям среды. Ранее о

возможной типологической преемственности верхнепалеолитических памятников типа Борщево 2 и Заозерье 1 с иеневскими комплексами писал А. Е. Кравцов (1998). Л. В. Кольцов и М. Г. Жилин также предпринимали попытки связать происхождение некоторых компонентов бутовской АК с индустрией верхнего палеолита типа Заозерье 1, которая была охарактеризована как «восточный федермессер» (Кольцов, 1994; 1996; Кольцов, Жилин, 1999), но впоследствии от этого отказались (Жилин, Кольцов, 2008). Сходную концепцию развивал и В. Ф. Копытин, по мнению которого, наиболее архаичные памятники гренской культуры Верхнего Поднепровья (Коромка, Боровка, Хвойная) продолжали развитие культурных традиций верхнепалеолитических стоянок Мезина, Добраничевки и Межирича. В объединении их технико-типологических черт он видел основу развития гренской индустрии (Копытин, 1977; 1992; 1999; 2000).

5. **«Комбинационная» (или «сибирская») модель** – сценарий В. В. Сидорова, предложившего специфическую интерпретацию событий рубежа плейстоцена – голоцена (Сидоров, 1996; 1998). Согласно В. В. Сидорову, в этот период на Верхней Волге наиболее ранней является «акуловская культурная традиция», ранний этап которой представлен памятником Акулово 1. Пребореальную ¹⁴C датировку памятника исследователь считает омоложенной из-за приуроченности памятника к позднеледниковой террасе и датирует его возрастом ~ 15 тыс. л. н. Генезис «акуловской традиции» связан, по мнению исследователя, с сибирским палеолитом, в частности с афонтовской АК на Енисее, по признакам слабой пластинчатости, обилия скребел и рубящих орудий при отсутствии наконечников. В. В. Сидоров прослеживает развитие «акуловской традиции» в мезолите на примере памятников бассейна р. Съежи в Тверской обл.: Юрьевская Горка, Васильево 1, Курово 4. Он также предполагает параллельное позднеакуловским памятникам происхождение бутовской АК на основании синтеза традиций черешкового комплекса (лингби, аренсбург, иенево) под воздействием пришедшей свидерской культуры (Сидоров, 1996). В более поздней редакции рассматривается трансформация техники раскалывания у последовательности культур: из усть-камской в лингби, затем в аренсбургскую, иеневскую и, наконец, – в бутовскую отжимную («вкладышевый технокомплекс», по В. В. Сидорову). Такая эволюционная цепочка объясняется динамикой общего процесса технологической эволюции (Сидоров, 2009. С. 159).

Выводы. Обобщая краткий обзор пяти культурно-исторических концепций, следует отметить их общую тенденцию. В публикациях последних лет были отвергнуты принципы археологической периодизации памятников конца плейстоцена – начала голоцена, выработанные для Северной Европы Г. Кларком, С. Козловским, Р. Шильдом и В. Тауте и впервые примененные к восточноевропейским материалам Р. Римантене (1971), Л. В. Кольцовым (1977) и Л. Л. Зализняком (1989). Традиционная периодизация подразумевала корреляцию основных этапов изменения природной обстановки с культурно-хронологической последовательностью комплексов на следующих основаниях:

- 1) позднеледниковье ~ 17–13 тыс. л. н. = «мадленские» культуры = конец верхнего палеолита;
- 2) дриасовая эпоха ~ 13–10 тыс. л. н. = комплексы с черешковыми наконечниками = финальный палеолит;

3) ранний голоцен ~10–7 тыс. л. н. = микролитические комплексы = мезолит.

В обобщающих публикациях последних лет связь природных процессов с динамикой изменения материальной культуры была разорвана. Культурно-археологические единицы мезолитического облика – «золоторучьинская традиция» или ранняя бутовская АК, а также комплекс типа Барановой Горы, – получили привязку по меньшей мере уже к финальному палеолиту, а некоторые (ресетинская АК) – к концу верхнего палеолита. Одни индустрии с черешковыми наконечниками финального палеолита (бромме-лингби) дриасовой эпохи, как считается, без особых фрустраций дожили до голоцена (иеневская АК), а другие (свидер, аренсбург) – не пережили начала пребореала. Игнорирование причинно-следственной связи между сменой экологических обстановок и культурными трансформациями, как мне кажется, противоречит общепризнанной методологии построения периодизаций каменного века. Последнее особенно важно с учетом использования исследователями в культурно-генетических построениях неравноценных (с источниковедческой точки зрения) памятников, зачастую имеющих спорную датировку или вовсе не обладающих таковой (Григорьев, 2006; Сорокин, 2000; 2006а; Кравцов, 2004; Лисицын, 2011).

Для финального палеолита и раннего мезолита Верхней Волги сложилась ситуация, которая характеризуется наличием взаимопротиворечащих авторских периодизаций. Очевидно, что при нынешнем состоянии источников по данной проблематике надежд на получение новых данных по большинству старых раскопанных стоянок и, соответственно, на решение спора в пользу той или иной концепции – не много. Культурная последовательность на рубеже плейстоцена и голоцена в Верхневолжском бассейне с высокой степенью объективности может быть документирована лишь многослойными и стратифицированными памятниками, обеспеченными комплексной естественнонаучной аналитикой.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверин В. А., 2002. Мезолит Волго-Окского междуречья в отечественной историографии // Культура: Тексты и контексты. Иваново.
- Амирханов Х. А., 2002. Восточнограветийские технологические элементы в материалах поздней поры верхнего палеолита Поочья // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: Динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб.
- Амирханов Х. А., 2004. Восточнограветийские элементы в культурном субстрате волго-окского мезолита // Проблемы каменного века Русской равнины. М.
- Аникович М. В., 1992. К определению понятия «археологическая эпоха» // СА. № 1.
- Аникович М. В., 2005. Некоторые методологические проблемы первобытной археологии и основные обобщающие понятия: «археологическая эпоха», «археологическая культура», «техно-комплекс», «историко-культурная область» // Stratum Plus. № 1 (2003–2004): В эпоху мамонтов. Кишинев.
- Бадер О. Н., Кольцов Л. В., 1974. Мезолитические стоянки близ г. Калинина // СА. № 1.
- Бибиков С. Н., Станко В. Н., Коен В. Ю., 1994. Финальный палеолит и мезолит горного Крыма. Одесса.
- Бочкарев В. С., 1975. К вопросу о системе основных археологических понятий // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований: Мат-лы симпозиума методолог. семинара ЛОИА АН СССР. Л.

- Брюсов А. Я.*, 1962. Мезолитическая неурядица // Историко-археологический сборник. М.
- Васильев С. А., Абрамова З. А., Григорьева Г. В., Лисицын С. Н., Сеницына Г. В.*, 2005. Поздний палеолит Северной Евразии (палеоэкология и структура поселений). СПб.
- Воеводский М. В.*, 1934. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эппалеолита на территории Восточной Европы // Тр. II Междунар. конф. Ассоциации по изучению четвертичного периода. Вып. 5. М.; Л.; Новосибирск.
- Воеводский М. В.*, 1940. К вопросу о развитии эппалеолита в Восточной Европе // СА. № 5.
- Воеводский М. В.*, 1950. Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИИМК. Вып. 31.
- Грехова Л. В.*, 1994. Место стоянок Окского бассейна в системе палеолита Русской равнины // Древности Оки. М. (Тр. ГИМ. М. Вып. 85.)
- Григорьев Г. П.*, 2006. Сравнительная характеристика периодизаций верхнего палеолита и мезолита // Тверской археологический сборник. Вып. 6.
- Гурина Н. Н.*, 1977. Основные особенности мезолитических памятников в верховьях Волги // КСИА. Вып. 149.
- Гурина Н. Н.*, 1989. Мезолит верховьев Волги // Мезолит СССР. М.
- Гурина Н. Н.*, 1997. Относительная и абсолютная хронология памятников каменного века Волго-верховья // Каменный век Верхневолжского региона. СПб. Вып. 2.
- Гуськова Е. Г., Распопов О. М., Иосифиди А. Г., Сеницына Г. В., Сеницын А. А.*, 2006. Палеомагнитные исследования отложений многослойной стоянки Подол III/1 на озере Волго в Тверской области // Тверской археологический сборник. Вып. 6.
- Жилин М. Г.*, 1999. Хронология и периодизация бутовской мезолитической культуры // Тр. ГИМ. Вып. 103.
- Жилин М. Г.*, 2000. О связях населения Прибалтики и Верхнего Поволжья в раннем мезолите // Тверской археологический сборник. Вып. 4.
- Жилин М. Г.*, 2004а. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.
- Жилин М. Г.*, 2004б. Мезолит Волго-Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины. М.
- Жилин М. Г.*, 2006. Работы Д. А. Крайнова и проблемы изучения палеолита и мезолита Верхнего Поволжья // Археология: История и перспективы. Ярославль.
- Жилин М. Г.*, 2007. Финальный палеолит Ярославского Поволжья. М.
- Жилин М. Г., Кольцов Л. В.*, 2008. Финальный палеолит лесной зоны Европы (культурное своеобразие и адаптация). М.
- Жилин М. Г., Кравцов А. Е.*, 1991. Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка 1 // Памятники археологии Верхнего Поволжья. Н. Новгород.
- Зализняк Л. Л.*, 1989. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев.
- Зализняк Л. Л.*, 1999. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи: Культурний поділ і періодизація. Київ.
- Зализняк Л. Л.*, 2005. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України // Кам'яна доба України. Вып. 12. Київ.
- Зотько М. Р.*, 1994. Историкографический очерк изучения иеневской и песочноровской культур в свете проблемы их культурного единства // Тверской археологический сборник. Вып. 1.
- Кольцов Л. В.*, 1963. Стоянка Коприно на Верхней Волге // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.
- Кольцов Л. В.*, 1965. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья // СА. № 4.
- Кольцов Л. В.*, 1976. Культурные различия в мезолите Волго-Окского бассейна // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.
- Кольцов Л. В.*, 1977. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М.
- Кольцов Л. В.*, 1979. О характере сложения раннемезолитических культур Северной Европы // СА. № 4.

- Кольцов Л. В.*, 1989. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. М.
- Кольцов Л. В.*, 1994. О первоначальном заселении Тверского Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 1.
- Кольцов Л. В.*, 1996. Мезолитические культуры Волго-Окского междуречья в контексте Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 2.
- Кольцов Л. В.*, 1998. О характере взаимоотношений соседних культур в мезолите Северной Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 3.
- Кольцов Л. В.*, 2000. Варианты развития культурных общностей мезолита Северной Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 1.
- Кольцов Л. В.*, 2002. Формирование мезолитических культур Северной Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 5.
- Кольцов Л. В.*, 2004. Явление дивергенции культур в мезолитических культурных общностях // Проблемы каменного века Русской равнины. М.
- Кольцов Л. В.*, 2006. О проявлениях культуры лингби в Верхнем Поволжье // Археология Верхнего Поволжья: К 80-летию К. И. Комарова. М.
- Кольцов Л. В.*, 2007. К вопросу о мезолитических инновациях // КСИА. Вып. 221.
- Кольцов Л. В.*, 2009. Некоторые соображения о взаимодействии культур в мезолите // Тверской археологический сборник. Вып. 7.
- Кольцов Л. В., Жилин М. Г.*, 1999. Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники бутовской культуры. М.
- Кольцов Л. В., Жилин М. Г.*, 2008. Финальный палеолит лесной зоны Европы (культурное своеобразие и адаптация). М.
- Копытин В. Ф.*, 1977. Мезолит Юго-Восточной Белоруссии // КСИА. Вып. 149.
- Копытин В. Ф.*, 1992. Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья. Могилев.
- Копытин В. Ф.*, 1999. Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья // Tanged Points Cultures in Europe. Lublin.
- Копытин В. Ф.*, 2000. У истоков гренской культуры. Боровка. Могилев.
- Костылева Е. Л., Уткин Е. Л., Энгватова А. В.*, 2005. К столетию Дмитрия Александровича Крайнова // РА. № 1.
- Кравцов А. Е.*, 1998. К вопросу о генезисе иеневской культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 3.
- Кравцов А. Е.*, 1999. Некоторые результаты изучения мезолитической иеневской культуры в Волго-Окском бассейне (по материалам середины 1980-х – 1990-х годов) // Тр. ГИМ. Вып. 103.
- Кравцов А. Е.*, 2004. Об источниках для изучения волго-окского мезолита и некоторых принципах их анализа // Проблемы каменного века Русской равнины. М.
- Крайнов Д. А.*, 1964. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья // КСИА. Вып. 97.
- Крайнов Д. А.*, 1972. Новая мезолитическая стоянка Черная Грязь I // КСИА. Вып. 131.
- Крайнов Д. А., Кольцов Л. В.*, 1979. Проблемы первобытной археологии Волго-Окского междуречья (по результатам работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР) // Советская археология в X пятилетке: Тез. докл. Всесоюз. конф. Л.
- Крижевская Л. Я.*, 1950. Неолитические мастерские Верхнего Поволжья // МИА. № 13.
- Ксензов В. П.*, 1988. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. Минск.
- Ксензов В. П.*, 2006. Мезолит Северной и Центральной Беларуси. Минск.
- Ланцев А. П., Мирецкий А. В.*, 1996. Стоянка Троицкое 3 – один из древнейших памятников Тверского Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 2.
- Лисицын С. Н.*, 1999. Эпиграветт или постграветт? (Особенности кремневого инвентаря поздневалдайских памятников с мамонтовым хозяйством) // Stratum plus. Вып. 1. СПб.
- Лисицын С. Н.*, 2003. Колонизация территории Великого водораздела в финальном палеолите // Проблемы балтийской археологии. Калининград.

- Лисицын С. Н.*, 2006. Моделирование первичного заселения человеком бывших ледниковых областей на примере Северо-Запада // *In situ*: К 85-летию профессора А. Д. Стояра. СПб.
- Лисицын С. Н.*, 2011. Стоянка Вашана и вопросы хроностратиграфии раннего мезолита Волго-Окского междуречья // *Зап. ИИМК*. Вып. 6. СПб.
- Матюшин Г. Н.*, 1976. Мезолит Южного Урала. М.
- Медведев Г. И., Липнина Е. А., Новосельцева В. М., Шмыгун П. Е.*, 2000. О мезолите. В который раз?! // *Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии: Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей*. Иркутск.
- Мирецкий А. В.*, 2007. Финальнопалеолитическая стоянка Теплый ручей на Верхней Волге // *Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене*. М.
- Платонова Н. И., Васильев С. А., Мусин А. Е.*, 2009. Императорская археологическая комиссия и первобытные древности // *Императорская археологическая комиссия 1859–1917*. СПб.
- Римантене Р. К.*, 1971. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс.
- Рогачев А. Н.*, 1966. Некоторые вопросы изучения эпипалеолита Восточной Европы // *МИА*. № 126.
- Сидоров В. В.*, 1996. Мезолит бассейна р. Съежи // *Тверской археологический сборник*. Вып. 2.
- Сидоров В. В.*, 1998. Трансформации и миграции культур каменного века лесной зоны Восточной Европы // *Тверской археологический сборник*. Вып. 3.
- Сидоров В. В.*, 2002. Интерпретационные возможности основных понятий археологии (археологическая онтология) // *Тверской археологический сборник*. Вып. 5.
- Сидоров В. В.*, 2009. Реконструкции в первобытной археологии. М.
- Синицын А. А., Праслов Н. Д., Свеженцев Ю. С., Сулержицкий Л. Д.*, 1997. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // *Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы и Северной Азии: Проблемы и перспективы*. СПб.
- Синицына Г. В.*, 1996. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб.
- Синицына Г. В.*, 1997. Ланино I – памятник каменного века // *Каменный век Верхневолжского региона*. СПб.
- Синицына Г. В.*, 2000. Финальный палеолит и ранний мезолит – этапы развития материальной культуры на Верхней Волге // *Тверской археологический сборник*. Вып. 4. Т. 1.
- Синицына Г. В.*, 2003. Традиции лингби в материалах финальнопалеолитических стоянок верховьев Волги и Днепра // *Древности Подвинья: Исторический аспект*. СПб.
- Синицына Г. В.*, 2006. Сырье как показатель определения возраста стоянок каменного века Валдая // *Археологические вести*. СПб. № 16.
- Синицына Г. В.*, 2008. Заселение Валдайской возвышенности на рубеже плейстоцена и голоцена // *Пусть на север: Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики*. М.
- Синицына Г. В.*, 2009. Вопросы культурно-исторических процессов на рубеже плейстоцена – голоцена на территории Валдайской возвышенности // *Тверской археологический сборник*. Вып. 7.
- Синицына Г. В., Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А.*, 2005. Археологические материалы в позднеледниковых отложениях на северном берегу озера Волго в Тверской области // *Квартер-2005: Мат-лы IV Всерос. совещ. по изучению четвертичного периода*. Сыктывкар.
- Синицына Г. В., Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., Гуськова Е. Г., Распопов О. М., Иосифиди А. Г.*, 2009. О хронологии археологических материалов и возрасте вмещающих отложений многослойной стоянки Баранова Гора в Тверской области // *Тверской археологический сборник*. Вып. 7.
- Синицына Г. В., Спиридонова Е. А., Лаврушин Ю. А.*, 1997. Природная среда и проблемы миграций человека на рубеже плейстоцена – голоцена на севере Русской равнины и в Скандинавии // *Первые Скандинавские чтения: Этнографические и культурно-исторические аспекты*. СПб.
- Сорокин А. Н.*, 1987. Культурные различия в мезолите бассейна р. Ока // *КСИА*. Вып. 189.

- Сорокин А. Н., 1989. К проблеме происхождения бутовской культуры // СА. № 2.
- Сорокин А. Н., 1990. Бутовская мезолитическая культура (по материалам Деснинской экспедиции). М.
- Сорокин А. Н., 2000. Парадоксы источниковедения мезолита Восточной Европы // ТАС. Вып. 4. Т. 1.
- Сорокин А. Н., 2003. Метаморфозы источниковедения мезолита Восточной Европы // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань.
- Сорокин А. Н., 2006а. Проблемы мезолитоведения. М.
- Сорокин А. Н., 2006б. О культурогенезе в финальном палеолите и мезолите // Археологическое изучение Центральной России. Липецк.
- Сорокин А. Н., 2006в. К проблеме финального палеолита Центральной России // РА. № 4.
- Сорокин А. Н., 2008. Мезолитоведение Поочья. М.
- Сорокин А. Н., Ошибкина С. В., Трусов А. В., 2009. На переломе эпох. М.
- Трусов А. В., 2011. Палеолит бассейна Оки. М.
- Формозов А. А., 1954. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР // СА. XXI.
- Формозов А. А., 1959. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.
- Формозов А. А., 1970. О термине «мезолит» и его эквивалентах // СА. № 3.
- Формозов А. А., 1983. Начало изучения каменного века в России. М.

Д. В. Герасимов, А. Крийска, С. Н. Лисицын

ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ФИНСКОГО ЗАЛИВА: ХРОНОЛОГИЯ И ГЕОМОРФОЛОГИЯ

D. V. Gerasimov, A. Krijkska, S. N. Lisitsyn. Stone Age sites in the South-eastern part of the Gulf of Finland coast: Chronology and geomorphology

Abstract. The article presents a review of the Stone Age sites in the south-eastern part of the Gulf of Finland coast, their geomorphology and stratigraphy are crucial for the reconstruction of shore-lines displacement (Fig. 1). According to the reviewed data, the maximum of the Lithorina transgression (5500–4800 cal. BC / 6500–6000 BP) did not exceed 10–12 m above the modern sea level (asl). In the late 6th–5th mill. BC (Early Neolithic) the sea level was lower than 8 m asl. In the 4th mill. BC (Middle Neolithic) it got lower than 5 m asl. Now several sites are known situated lower than 2,5 m asl and covered by water sediments with contexts of the Late Neolithic – Early Metal Epoch (the 6th–3rd mill. BC).

Ключевые слова: Балтийское море, трансгрессии, регрессии, мезолит, неолит, эпоха раннего металла.

Геоморфологическое положение и стратиграфия ряда памятников, выявленных за последние годы в юго-восточной части побережья Финского залива, не нашли объяснения в рамках существующих представлений о геологической ис-

тории региона. Вызванная этими находками научная дискуссия побудила нас подготовить обзор имеющихся археологических данных, которые могут быть использованы для реконструкции геологической истории Балтики.

Регион Финского залива в целом освободился ото льда в промежутке 10 800–10 300 С¹⁴ л. н. Котловина Балтийского моря в то время была занята подпруженным ледником Балтийским ледниковым озером – БЛО (*Sandgren et al.*, 2004. Р. 365; *Saarse et al.*, 2007). Прорыв вод БЛО у г. Биллинген в Центральной Швеции около 9600 до н. э. (10 000 С¹⁴ л. н.) привел к его катастрофическому спуску до уровня мирового океана (*Andren et al.*, 1999. Р. 369). После этого наступила кратковременная стадия солоноводного Иольдиевого моря.

Продолжающееся неравномерное изостатическое поднятие региона привело около 9000 до н. э. (9500 С¹⁴ л. н.) к отделению акватории Прабалтики от океана порогом стока в центральной Швеции и началу стадии Анцилового озера. Повышение порога стока обусловило подъем уровня воды, известный как анциловая трансгрессия (*Heinsalu*, 2001. Р. 220; *Субетто и др.*, 2002).

Первые археологические свидетельства освоения человеком региона относятся к периоду раннего мезолита и связаны со временем распространения в регионе бореальных лесов, совпадающим с максимумом анциловой трансгрессии. Это памятники Кунда Ламасяги в Эстонии; Ориматтила Мюлликоски, Куурманпохья Сааренойа 2, Лахти Ристола и Акунпохья Хельветинхауданпуро в Финляндии; Антреа и Киркколахти 1 в России (*Palsi*, 1920; *Indreko*, 1948; *Takala*, 2004; *Jussila, Matiskaïnen*, 2003; *Jussila et al.*, 2007; *Jussila et al.*, 2008; *Шахнович*, 2007).

После 8200 до н. э. (9000 С¹⁴ л. н.) переполненный водоем Анцилового озера находит сток через образовавшиеся Датские проливы (*Miettinen*, 2002. Р. 14; *Субетто и др.*, 2002. С. 81). В промежутке 7200–6800 до н. э. (около 8000 С¹⁴ л. н.) произошло выравнивание уровней Анцилового озера и океана, наступила новая солоноводная стадия Балтики – Литориновое море, на которую приходится новая трансгрессивная фаза – литориновая трансгрессия (*Miettinen*, 2002. Р. 14; *Субетто и др.*, 2002. С. 81; *Sandgren et al.*, 2004).

В результате повышения уровня моря вблизи побережья образовалось мелководье с многочисленными островами и глубокими заливами. Подтопление устьев рек создало режим переноса и отложения осадочных пород, способствовавший образованию кос и лагун – примерами могут служить известная Рийгикюльская коса вблизи древнего устья р. Нарвы (*Kriiska*, 1999. Р. 182) или Синди-Лодьяская коса в древнем устье р. Пярну (*Kriiska*, 2001a. Lk. 16; 2001b). Только после 4800 до н. э. (6000 л. н.) уровень океана стабилизировался (*Miettinen*, 2002) и прибрежные мелководные участки Финского залива стали постепенно осушаться.

С рубежа раннего и позднего мезолита морские ресурсы становятся основой системы жизнеобеспечения прибрежного населения (*Герасимов и др.*, 2010a). В литориновое время в юго-восточной части Финского залива наиболее благоприятными зонами промысловой деятельности людей (прежде всего охоты на ластоногих, позднее – рыбной ловли) были лагуны, такие как Рийгикюльская и Кудрукюльская близ устьев рек Нарвы и Луги, Сестрорецкая, Лахтинская и, вероятно, Охтинская в Приневье. Каждая из этих систем имела собственную историю формирования песчаных баров, кос и террас, для изучения которой большое значение имеют археологические данные (рис. 1).

Рис. 1. Памятники каменного века юго-восточного побережья Финского залива

Культурные слои памятников позднего мезолита на рассматриваемой территории перекрыты наносами максимума литориновой трансгрессии, датированной в промежутке 5500–4800 до н. э. (6500–6000 C^{14} л. н.) (Miettinen, 2002. P. 81; Sandgren et al., 2004. P. 378). Свидетельством этому являются геоморфологические и стратиграфические условия нахождения позднемезолитического комплекса памятника Нарва Йоарг в черте г. Нарва (Jaanits et al., 1982. Lk. 43; Kriiska, 1996. S. 366) и памятника Сюр 1 на Сюрьевском болоте вблизи г. Сосновый Бор (Герасимов и др., 2010б).

Получившие широкую известность находки скульптуры змеи из рога в Тырвала на правом берегу р. Нарва ниже г. Ивангород (Indreko, 1948; Moora, 1957; Kriiska, 1996. P. 360; Лисицына, 1961) и остатков рыболовной сети в Сийвертси на левом берегу р. Нарва выше г. Нарва (Indreko, 1932) происходят не из слоев стоянок, а из контекстов мелководных частей водоемов соответствующего времени.

Начало неолита в регионе маркируется распространением традиции изготовления керамики после 5500 до н. э. (6500 C^{14} л. н.), во время максимума литориновой трансгрессии. В раннем неолите здесь существовали две керамические традиции – керамика нарвского типа в западной части Ленинградской обл. и в Эстонии и керамика типа сперрингс на Карельском перешейке и в Приневье. Начало развитого неолита соответствует распространению в конце V – начале

IV тыс. до н. э. (около 5 300 С¹⁴ л. н.) в регионе так называемой типичной, или прибалтийской гребенчато-ямочной керамики. Археологические материалы региона Финского залива с начала III тыс. до н. э. (после 4200 л. н.) отчетливо свидетельствуют об изменениях в культуре, вероятно являющихся следствием изменений природной обстановки, системы хозяйствования, социальных процессов и, возможно, продвижения в регион нового населения. В современной археологической периодизации эти изменения знаменуют конец каменного века и начало периода раннего неолита.

Памятники раннего неолита. *Сосновая Гора* – памятник на Сосновой горе (озовый останец) близ устья р. Черной на северо-восточном берегу оз. Сестрорецкий Разлив (*Гамченко*, 1913; *Герасимов*, 2003. С. 33). Находки представлены кварцевым и кремневым инвентарем; керамика сперрингс и гребенчато-ямочная. Высота около 20 м над уровнем моря.

Кузёмкино 1 и 2 – местонахождения на краю литориновой террасы, высота около 9 м над уровнем моря. Находки представлены кварцевым инвентарем и фрагментами нарвской керамики. Для Кузёмкино 1 получена AMS-датировка 3900 до н. э. (5090 ± 40, Hela-1945).

Рийгикюла 1–13, 15 – стоянки на рийгикюльской палеокосе: кварцевый и кремневый инвентарь, нарвская керамика (*Kriiska*, 1999). Высота – 8–10 м над уровнем моря. С¹⁴ датировки: Рийгикюла 4 – 4950 до н. э. (6023 ± 95, Tln-1989), 4500 до н. э. (5624 ± 115, Tln-1990); Рийгикюла 6 – 5100 до н. э. (6130 ± 45, Hela-1909); Рийгикюла 9 – 4300 до н. э. (5469 ± 111, Tln-1890); Рийгикюла 12 – 4100 до н. э. (5268 ± 58, Tln-1992).

Галик 3 – местонахождение с кварцевым инвентарем и нарвской керамикой на правом берегу р. Луга, на литориновой террасе. Высота – 9–10 м над уровнем моря.

Извоз 2 – стоянка на рийгикюльской палеокосе: кварцевый и кремневый инвентарь, нарвская керамика. Высота около 9 м над уровнем моря.

Памятники развитого неолита. *Рийгикюла 1–3 (Нарва-Рийгикюла 1–3)* – стоянки на рийгикюльской палеокосе: кварцевый и кремневый инвентарь, гребенчато-ямочная керамика (*Гурина*, 1967; *Kriiska*, 1999). Высота – 7–11 м над уровнем моря. Для Рийгикюлы 2 получена AMS-датировка 4100 до н. э. (5220 ± 50, Hela-1863).

Извоз 3 – местонахождение на рийгикюльской палеокосе: кремневый инвентарь, гребенчато-ямочная керамика. Расположен на дюне высотой 11 м над уровнем моря.

Нарва-Йыесуу (Narva-Jõesuu) 1, 2, 3, 4; Viljapea – памятники на Кудрукюльской палеокосе севернее г. Нарва: кварцевый и кремневый инвентарь, гребенчато-ямочная керамика. Высота – 9–10 м над уровнем моря.

Куровицы – памятник на террасе, предположительно Балтийского Ледникового озера, на правом берегу р. Луги: кремневый инвентарь, гребенчато-ямочная керамика. Высота – 20 м над уровнем моря.

Тарховка – памятник на оз. Сестрорецкий Разлив: кварцевый и кремневый инвентарь; керамика гребенчато-ямочная. Высота около 9 м над уровнем моря. Культурный слой перекрыт слоем дюнного песка (*Земляков*, 1928а; *Гурина*, 1961; *Герасимов*, 2003).

Калищенское Озеро 1 и 2 – стоянки на берегу оз. Калищенское близ г. Соновый Бор, выявлены в 2004 г. А. И. Мурашкиным. Кварцевый и кремневый инвентарь, керамика гребенчато-ямочная. Высота – 8–9 м над уровнем моря.

Галик 4 – стоянка на правом берегу р. Луги, на песчаной террасе: кремневый инвентарь, керамика гребенчато-ямочная. Высота – 8 м над уровнем моря.

Памятники позднего неолита. *Извоз 4–6* – стоянки на рийгикюльской палеокосе: кварцевый и кремневый инвентарь, гребенчато-ямочная керамика. Высота – 6 м над уровнем моря.

Сестрорецкие стоянки – несколько пунктов находок у западного побережья оз. Сестрорецкий Разлив, ниже уреза воды: кварцевый и кремневый инвентарь, гребенчато-ямочная, пористая и асбестовая керамика (*Гурина*, 1961; *Герасимов*, 2003). Высота – 6 м над уровнем моря.

Ломми 1–3 – стоянки в нижнем течении р. Кобыляцкой, левого притока р. Луги, на песчаном всхолмлении: кварцевый и кремневый инвентарь, гребенчато-ямочная керамика (*Indreko*, 1948). Высота – 6 м над уровнем моря.

Александрия – местонахождение в г. Петродворец, на пляже парка Александрия: кремневые изделия, гребенчато-ямочная керамика. Высота – 1 м над уровнем моря. Выявлен А. И. Мурашкиным в 2004 г.

Венкуль (Väiküla) – местонахождение на правом берегу р. Нарвы: гребенчато-ямочная керамика, пористая керамика. Культурный слой (?) залегает ниже 1 м над уровнем моря – подводные находки (*Эфендиев и др.*, 1989).

Кудрукюла – памятник на Кудрукюльской палеокосе: кварцевый и кремневый инвентарь, гребенчато-ямочная керамика, пористая керамика. Высота – 0,6 м над уровнем моря. Культурный слой перекрыт пачкой слоистых отложений мощностью более 3 м. C^{14} даты: 4860 ± 60 (Самс-6266); 4835 ± 100 (Уа-4827); 4770 ± 60 (Самс-6265); 4750 ± 100 (Уа-4826) – около 3500 до н. э.

Охта 1, неолитический комплекс – памятник в устье р. Охты, в черте г. Санкт-Петербурга: гребенчато-ямочная керамика, каменный инвентарь. Серия радиоуглеродных дат по нагару на керамике в пределах 4000–3000 до н. э. (5000–4400 л. н.). Высота – 1,5 м над уровнем моря. Культурный слой перекрыт пачкой слоистых отложений (*Сорокин и др.*, 2009).

Памятники эпохи энеолита. *Лахта* – памятник на северо-западной окраине г. Санкт-Петербурга, на древней морской террасе близ берега Лахтинского разлива: пористая керамика. Высота – 5 м над уровнем моря. Культурный слой перекрыт слоем слоистого (?) песка (*Земляков*, 1928б; *Герасимов*, 2003).

Охта 1, энеолитический комплекс. Культурный слой перекрыт пачкой слоистых отложений. Пористая и асбестовая керамика. Серия радиоуглеродных дат по нагару на керамике в пределах 2700–1500 до н. э. (4000–3 500 л. н.). Высота – 2 м над уровнем моря (*Сорокин и др.*, 2009).

Кронверк – местонахождение на Заячьем острове вблизи Арсенала, в черте г. Санкт-Петербурга (Архив НИИКСИ СПбГУ). Находки кремневых артефактов. Высота – 2 м над уровнем моря. Культурный слой перекрыт пачкой слоистых отложений.

Рийгикюла 1, 2, 4, 14 – памятники на рийгикюльской палеокосе: комплексы шнуровой керамики (*Kriiska*, 1999). Высота – 6–9 м над уровнем моря. Датировка C^{14} Рийгикюла 14: 2500 до н. э. ($3970 \pm 100 C^{14}$ л. н., Та-2680).

Представленные археологические данные позволяют сделать следующие выводы, существенные для реконструкции древних береговых линий Балтики и разработки их хронологии.

Максимум литориновой трансгрессии на этой территории, вероятно, не превышал современных отметок 10–12 м над уровнем моря.

В период раннего неолита, в конце VI–V тыс. до н. э., уровень моря опустился ниже современной отметки 8 м над уровнем моря.

В период развитого неолита, в IV тыс. до н. э., уровень моря располагался ниже современной отметки 5 м над уровнем моря.

Становление на рассматриваемой территории производящего хозяйства привело к изменению системы расселения. Памятники со шнуровой керамикой III тыс. до н. э. в основном уже не связаны непосредственно с морским побережьем.

К настоящему времени известно несколько очевидно поселенческих комплексов периода позднего неолита и эпохи раннего металла (IV–III тыс. до н. э.), расположенных на отметках ниже 2,5 м над уровнем моря и перекрытых водными отложениями. Интерпретация геоморфологического контекста этих комплексов является актуальнейшей задачей исследований по истории Балтийского моря.

ЛИТЕРАТУРА

- Гамченко С. А.*, 1913. Исследования Сестрорецких курганов в 1908 г. // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т. IX.
- Герасимов Д. В.*, 2003. Периодизация и хронология неолитических памятников юга Карельского перешейка // Проблемы балтийской археологии. Калининград.
- Герасимов Д. В., Крийска А., Лисицын С. Н.*, 2010а. Освоение побережья Финского залива Балтийского моря в каменном веке // Материалы III Северного археологического конгресса. Екатеринбург; Ханты-Мансийск.
- Герасимов Д. В., Лисицын С. Н., Кулькова М. А.*, 2010б. Местонахождение Сюр 1 – свидетельство первичного заселения восточной оконечности Финского залива // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. Радловский сборник. СПб.
- Гурина Н. Н.*, 1961. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // МИА. № 87.
- Гурина Н. Н.*, 1967. Из истории древних племен западных областей СССР (по материалам нарвской экспедиции) // МИА. № 147.
- Земляков Б. Ф.*, 1928а. Доисторический человек Северо-Западной области в связи с ее геологией в послеледниковое время // Докл. АН. Сер. А.
- Земляков Б. Ф.*, 1928б. Неолитическая стоянка в Лахте // Естествознание в школе. № 2.
- Лисицына Г. Н.*, 1961. Вопросы палеогеографии неолита районов Северо-Запада Европейской части СССР // *Гурина Н. Н.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. М.; Л. Приложение.
- Сорокин П. Е., Гусенцова Т. М., Глухов В. О., Екимова А. А., Кулькова М. А., Мокрушин В. П.*, 2009. Некоторые результаты изучения поселения Охта 1 в Петербурге. Эпоха неолита – раннего металла // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 3. СПб.
- Субетто Д. А., Севастьянов Д. В., Савельева Л. А., Арсланов Х. А.*, 2002. Донные отложения озер Ленинградской области как летопись Балтийских трансгрессий и регрессий // Вестник СПб-ГУ. Сер. 7. Вып. 4 (№ 31).

- Тимофеев В. И.*, 1993. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб.
- Шахнович М. М.*, 2007. Мезолитическое поселение Киркколаhti 1 в Северном Приладожье // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. М.
- Эфендиев Э. Ф., Петренко В. П., Тимофеев В. И.*, 1989. Неолитическое местонахождение Венкуль в низовьях р. Наровы // Нарва, Ивангород, Принаровье: воздействия культур. История и археология: Тез. докл. конф. Нарва.
- Andren T., Bjorck J., Johnsen S.*, 1999. Correlation of Swedish glacial varves with the Greenland (GRIP) oxygen isotope record // *Journal of Quaternary Science*. 14/4.
- Heinsalu A.*, 2001. Diatom stratigraphy and the paleoenvironment of the Yoldia Sea in the Gulf of Finland, Baltic Sea // *Annales Universitatis Turkuensis. Biologica-Geographica-Geologica*. Turku.
- Indreko R.*, 1932. Kiviaja vorgujaanuste leid Narvas. // *Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat*. VII, 1931. Tartu.
- Indreko R.*, 1948. Die mittlere Steinzeit in Estland: Mit einer Übersicht über die Geologie des Kunda-Sees von K. Orviku // *Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar*. 66. Stockholm.
- Jaanits L., Laul S., Lougas V., Tonisson E.*, 1982. Eesti esiajalugu. Tallinn.
- Jussila T., Matiskainen H.*, 2003. Mesolithic settlement during the Preboreal period in Finland // *Mesolithic on the Move: Papers presented at the Sixth International Conference on the Mesolithic in Europe, Stockholm 2000* / Eds. Lars Larsson, Hans Lindegren, Kjell Knutsson, David Loefgren, Agneta Akerlund. Oxford.
- Jussila T., Kriiska A., Rostedt T.*, 2007. The Mesolithic settlement in NE Savo, Finland, and the earliest settlement in the eastern Baltic Sea // *Acta Archaeologica*. 78 (2).
- Jussila T., Kriiska A., Rostedt T.*, 2008. Joutseno Saarenoja 2 varhaiskivikautisen asuinpaikan tutkimukset. Olkaa hyvä, heittäkaa hattunne! Hiisi 2.
- Kriiska A.*, 1996. Stone Age Settlements in the Lower Reaches of the Narva River, North-eastern Estonia // *Coastal Estonia: recent advances in environmental and cultural history*. PACT 51. Strassbourg.
- Kriiska A.*, 1997. Excavations of the Stone Age site at Vihasoo III // *Arheoloogilised valitood Eestis 1996*. Stilus. 7.
- Kriiska A.*, 1999. Formation and development of the Stone Age settlement at Riigikula, North-eastern Estonia // *Environmental and Cultural History of the Eastern Baltic Region*. Rixensart. (PACT. 57.)
- Kriiska A.*, 2001a. Laane-Eesti mandriosa kiviaja aarejooni // *Laanemaa Muuseumi Toimetised*. Haapsalu. V.
- Kriiska A.*, 2001b. Stone Age Settlement and Economic Processes in the Estonian Coastal Area and Islands: Academic Dissertation. Helsinki. <http://ethesis.helsinki.fi/julkaisut/kultt/vk/kriiska/>.
- Miettinen A.*, 2002. Relative Sea-Level Changes in the Eastern Part of the Gulf of Finland during the Last 8000 Years // *Ann. Acad. Sci. Fenn. Geologica-Geographica*. 162.
- Moora H.*, 1957. Eine steinzeitliche Schlangenfigur aus der Gegend von Narva // *Suomen muinasmuistoyhdistyksen aikakauskirja*. Helsinki. № 58: *Studia neolithica in honorem Aarne Äyräpää*.
- Palsi S.*, 1920. Ein steinzeitlicher Moorfund bei Korpilahti im Kirchspiel Antrea, Lan Viborg // *Suomen Muinasmuistoyhdistyksen Aikakauskirja*. Bd. XXVIII. 2.
- Raukas A., Saarse L., Veski S.*, 1995. A new version of the Holocene stratigraphy in Estonia // *Proceedings of the Estonian Academy of Sciences. Geology*. 44.
- Saarse L., Vassiljev J., Rosentau A., Midel A.*, 2007. Reconstructed Late Glacial shore displacement in Estonia // *Baltica*. 20 (1–2).

Sandgren P., Subetto D. A., Berglund B. E., Davydova N. N., Savelieva L. A., 2004. Mid-Holocene Littorina Sea transgressions based on stratigraphic studies in coastal lakes of NW Russia // GFF. Vol. 126.

Takala H., 2004. The Ristola site in Lahti and the earliest postglacial settlement of South Finland. Helsinki. Jyvaskyla.

О. В. Лозовская, В. М. Лозовский, А. Н. Мазуркевич,
И. Клементе Конте, Э. Гассьот

ДЕРЕВЯННЫЕ КОНСТРУКЦИИ НА СТОЯНКЕ КАМЕННОГО ВЕКА ЗАМОСТЬЕ 2: НОВЫЕ ДАННЫЕ¹

O. V. Lozovskaya, V. M. Lozovsky, A. N. Mazurkevich, I. Clemente Conte, E. Gassiot.
Wooden constructions at the Stone Age site Zamostye 2: New data

Abstract. Wooden remains of fishing construction (fish-traps, fish-fence) are rare finds difficult for interpretation, mostly owing to damages and replacing from the original position. At Mesolithic – Neolithic peat site Zamostye 2 a fishery zone were excavated including three fish-traps related with 210 poles driven in the Dubna River bed. Fish-traps represented conic baskets made of tiny pine splinters bound with grass bands, with original length around 2 m. During underwater investigation remains of two more constructions were discovered. According to a series of 14C dates the fishery zone is dated back to the Early Neolithic (the beginning of the 6th millennium BC).

Ключевые слова: мезолит-неолит, торфяниковые стоянки, Замостье 2, структура поселения, деревянные конструкции, рыболовные сооружения, верши, закол.

Исследования древних озерных поселений, остатки которых дошли до нас во влажных торфяниковых отложениях, где сохраняются предметы быта, жилые и хозяйственные конструкции из недолговечных органических материалов (древесина, кора, растительные волокна), предоставляют уникальную возможность получения информации об организации жизненного пространства на поселении, типах хозяйственных сооружений и о стратегии использования природных ресурсов, в том числе окружавших стоянку лесов и водоемов. Торфяниковая стоянка Замостье 2 – один из наиболее известных памятников мезолита – неолита в Волго-Окском междуречье. Она находится в 100 км к северу от Москвы, на берегу р. Дубна. Исследовалась В. М. Лозовским с 1989 г. в рамках Подмосквовской экспедиции ИА РАН, а в 1995–2000 гг. – экспедиции Сергиево-Посадского

---

²² Исследование проводится при поддержке РФФИ, проекты 11-06-00090а и 11-06-100030к, а также Министерства науки и инноваций Испании, проект (I+D) HAR2008-04461/HIST.